

УДК 821.161.1-95(Платонов А.). DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-2-38-47.
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,49.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.3

«СОЦИАЛИЗМ И ЗЛОДЕЙСТВО – ДВЕ ВЕЩИ НЕСОВМЕСТИМЫЕ»: СТАТЬИ А. ПЛАТОНОВА О ПУШКИНЕ

Заваркина М. В.

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7972-2265>

SPIN-код: 3590-9019

А н н о т а ц и я . Исследование посвящено анализу критических статей А. Платонова «Пушкин – наш товарищ» и «Пушкин и Горький», написанных в контексте Пушкинского юбилея 1937 года. Платонов, не имея возможности быть услышанным, обращается к жанру критической статьи и сам на время становится читателем. Несмотря на то, что рассуждения Платонова о Пушкине были в духе высказываний его современников и развивали некоторые их идеи, писатель остается верен самому себе и трактует произведения поэта в духе собственной авторской философии. В статьях Платонов дает и свое понимание развития русской литературы, обращаясь к творчеству Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л. Н. Толстого, М. Горького и других писателей. Главными темами критических статей Платонова являются темы «Пушкин и народность», «Пушкин и социализм», «Пушкин и фашизм». В работе показано, что статьи Платонова о Пушкине стали закономерным этапом его творческой эволюции. Используя «маску» читателя и сформулированный им же принцип «сюжета второго смысла», Платонов высказал в статьях о Пушкине многие дорогие для него идеи, в том числе о высокой миссии Поэта и русской литературы в целом. На время писатель отказался от пессимистического «Нет пророка в своем отечестве» и обратился к вере в то, что этот пророк уже находится в современной ему советской действительности, которую Платонов меряет по-пушкински, считая, что «социализм и злодейство – две вещи несовместимые».

К л ю ч е в ы е с л о в а : А. С. Пушкин; А. П. Платонов; М. Горький; критическая статья; Пушкинский юбилей 1937 года; сюжет второго смысла; Медный всадник; образ Евгения; образ Петра; концепция русской литературы; народность; социализм; фашизм

Д л я ц и т и р о в а н и я : Заваркина, М. В. «Социализм и злодейство – две вещи несовместимые»: статьи А. Платонова о Пушкине / М. В. Заваркина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 2. – С. 38–47. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-2-38-47.

“SOCIALISM AND VILLAINY ARE TWO INCOMPATIBLE THINGS”: A. PLATONOV'S ARTICLES ON PUSHKIN

Marina V. Zavarkina

Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7972-2265>

A b s t r a c t . The study is devoted to the analysis of A. Platonov's critical articles “Pushkin is Our Comrade” and “Pushkin and Gorky,” written in the context of the Pushkin Jubilee of 1937. Platonov, unable to be heard, turns to the genre of the critical article and temporarily becomes a reader himself. Despite the fact that Platonov's conclusions about Pushkin were in the spirit of his contemporaries' statements and developed some of their ideas, the writer remains true to himself and interprets the poet's works in compliance with his own authorial philosophy. In his articles, Platonov gives his understanding of the development of Russian literature, referring to the works of N. V. Gogol, F. M. Dostoevsky, M. E. Saltykov-Shchedrin, L. N. Tolstoy, M. Gorky and other writers. The main topics of Platonov's critical articles are “Pushkin and the people”, “Pushkin and socialism”, “Pushkin and fascism”. The paper shows that Platonov's articles about Pushkin became a natural stage of his creative evolution. Using the “mask” of the reader and the principle of the “second meaning plot” formulated by him, Platonov expresses in his articles about Pushkin many ideas dear to him, including the high mission of the Poet and Russian literature in general. For a while, the writer abandons the pessimistic “There is no prophet in his fatherland” and turns to the belief that this prophet is already in the Soviet reality contemporary to him, which Platonov measures in Pushkin's way, believing that “socialism and villainy are two incompatible things”.

Key words : A. S. Pushkin; A. P. Platonov; M. Gorky; critical article; Pushkin's jubilee of 1937; second meaning plot; The Bronze Horseman; the character of Eugene; the character of Peter; concept of Russian literature; people's; socialism; fascism

For citation : Zavarkina, M. V. (2025). “Socialism and Villainy Are Two Incompatible Things”: A. Platonov's Articles on Pushkin. In *Philological Class*. Vol. 30. No. 2, pp. 38–47. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-2-38-47.

В начале 1937 года в Советском Союзе с большим размахом отмечалось столетие со дня смерти А. С. Пушкина¹. Юбилей вызвал ожесточенную

¹ По всей стране были проведены многочисленные и поражающие своим масштабом мероприятия, которые были начаты задолго до юбилея. Были обнародованы новые документы, произведения и материалы Пушкинского наследия. Публикации о Пушкине делали многие издания того времени: «Правда», «Литературная газета», журналы «Литературный критик», «Ли-

тературное обозрение», «Литературный современник», «Звезда», «Красная новь» и др. В то же время пушкинский юбилей носил отвлекающий характер: в стране вот-вот грянет Большой террор, в рядах партии будут проходить «чистки», появятся тысячи публикаций о «врагах народа». Все это должно было «уравновешиваться» статьями о Пушкине, его личности и творчестве. По мнению Дж. Платт, «юбилей 1937 года во многом стал воплощением той переоценки, которой подверглось прошлое при сталинизме <...>. ...Пушкина, как проверенную в бою икону

полемику среди современников Платонова (подробнее см.: [Молок 2000]), а главной темой многочисленных публикаций юбилейного года стала тема «Пушкин и народность» [Малыгина 1985: 108]. Андрей Платонов подключится к полемике литературно-критическими статьями «Пушкин – наш товарищ» и «Пушкин и Горький»¹, которые займут особое место в наследии писателя и станут важным этапом его творческой эволюции². Оставшись без своего читателя, лишившись возможности быть услышанным через художественные произведения, Платонов сам на время становится читателем. Одним из первых на это обратил внимание исследователь Л. Шубин, который отметил, что в критических статьях Платонов говорил не как критик, а просто как читатель [Шубин 1970: 18].

Литературно-критические статьи Платонова составили сборник «Размышления читателя», который должен был выйти в 1938 году (был даже заключен договор с издательством «Советский писатель»), но этого не случилось: в августе 1939 года развернулась полемика вокруг журнала «Литературный критик», где впервые были напечатаны статьи Платонова, которые рассматривались теперь пристальней и вызвали отрицательные отзывы современников. В итоге статья «Пушкин и Горький» была исключена из сборника «Размышления читателя» на стадии его подготовки к печати, а на статью «Пушкин – наш товарищ» разгромную рецензию написал В. Кирпотин, автор работы «Наследие Пушкина и коммунизм»³.

Мнения современных исследователей на позицию Платонова, выраженную в его статьях о Пушкине, разделились. Одни считают, что Платонов, работая над статьями, пытался звучать в унисон с современной ему действительностью и наступал на горло собственной песне. Так, один из первых исследователей этой темы, И. Крамов, увидел в статьях о Пушкине «соединение проповеди и анализа» [Крамов 1969: 239], что не характерно для поэтики Платонова, а цитирующий Крамова М. Геллер сделал вывод, что писатель «отказывается от анализа в пользу проповеди» [Геллер 2000: 376]. С. А. Кибальник полагает, что Платонов, «затравленный критикой», пытался «изжить свои мнимые прошлые ошибки», поэтому его статьи о Пушкине «демонстрируют искреннюю попытку»

писателя «поверить в эстетику социалистического реализма»⁴ [Кибальник 2008: 138, 140]. Это привело исследователя к скоропалительному выводу о том, что статьи Платонова построены на «антиисторических и вульгарно-социологических суждениях» о Пушкине [Там же: 138]. С. И. Кормилов тоже считает, что Платонов «сломался и принял официозную трактовку народности» [Кормилов 2004: 21]. О. Меерсон в духе зарубежной славистики высказывает мнение, что Пушкин у Платонова – это «классический продукт советской мифологии» [Меерсон 1997: 76].

В том, что Платонов, наоборот, «пересоздает пушкинский миф», уверена Т. Г. Шеметова [2011: 135]. Более того, некоторые исследователи находят в статьях Платонова долю «иронии и самоиронии» и полагают, что Платонов «подсмеивается <...> над собственным художественным методом» [Евдокимов 2018: 25]. То, что Платонов сам хотел войти «в клетку», состоящую из «научного марксизма», «Пушкина и фольклора», утверждает М. Геллер [Геллер 2000: 351].

Более умеренного взгляда на статьи Платонова о Пушкине придерживался Л. Шубин, который еще в 1970-м году заметил, что Платонов в этих статьях «говорит своим голосом», а некоторое несоответствие в его «концепции» можно объяснить «противоречиями во взглядах писателя» [Шубин 1970: 4, 11]. Т. А. Никонова также полагает, что Платонов в литературно-критических статьях оставался самим собой и что «контекст юбилейного года недостаточен для понимания позиции Платонова. <...> И потому в жестких рамках официального пушкинского мифа Платонов разворачивает свое собственное понимание не столько Пушкина, сколько судьбы народа...» [Никонова 2011: 165]. По мнению Н. Дужиной, писатель в этих статьях не примиряется с действительностью, а «глубоко осознав духовную трагедию своего народа», «ищет выход из “положения смерти”» [Дужина 2003: 45]. Е. С. Шевченко справедливо полагает, что Платонов «подходит к личности Пушкина и к его творчеству с социологических позиций, затрагивая вопросы “Пушкин и социализм”, но при этом «социальное и политическое обретает» у него «какой-то “сверхсоциальный” и “внеполитический” – общечеловеческий, гуманистический – смысл» [Шевченко 2005: 195].

Рассуждения Платонова о Пушкине, высказанные им в статьях «Пушкин – наш товарищ» и «Пушкин и Горький», действительно, были в духе статей его коллег и развивали некоторые их идеи. Однако это не было эпигонством или примиренчеством, просто данные идеи, что называется, «вitalи в воздухе». Так, в одной из статей о Пушкине, опубликованной в «Литературной газете» 5 февраля 1937 года, говорилось: «Именно поэтому он [Пушкин] близок нам, потому он наш современник»⁵. Платонов начинает статью «Пуш-

культурной легитимности, вытащили из-под груды обломков истории и вернули в обращение, чтобы накануне войны подпереть им пошатнувшийся режим» [Платт 2017: 11].

¹ Журнал «Литературный критик», в котором впервые были опубликованы статьи Платонова, представил работы о Пушкине А. Луначарского, В. Александрова, А. Македонова, И. Сергиевского, А. Лаврецкого, Е. Тарле и других авторов. Статья Платонова «Пушкин – наш товарищ» была напечатана в январском номере журнала (с. 46–61), а статья «Пушкин и Горький» – в номере шестом, посвященном годовщине со дня смерти М. Горького (с. 63–84).

² Н. В. Корниенко считает, что «в творческом пути Платонова Пушкин появлялся в самые переломные моменты» [Корниенко 1989: 18].

³ Отзыв Кирпотина опубликован: [Архив А. П. Платонова 2009: 667–669].

⁴ Следует заметить, что Платонов в этой эстетике пытался работать на протяжении всего творчества.

⁵ Пушкин // Литературная газета. 1937. 5 февраля. № 7 (643).

кин – наш товарищ» с объяснения, почему он считает Пушкина не просто своим современником, но именно «товарищем». Это связано, по мнению писателя, с тем, что рабочие (к которым Платонов относил и себя) оказались лучшими и более внимательными читателями Пушкина, чем интеллигенты: «Эти люди не нуждаются в рекомендации Гершензона¹ – читать медленно, чтобы видеть растения поэзии, живущие под толстым льдом поверхностного, равнодушного внимания» [Платонов 2023: 7]. По мнению Платонова, умение читать – это тоже талант, для него так же, как и для поэтического творчества, нужно вдохновение. Писатель сравнивает талант поэта с талантом строителя нового социалистического мира: и тот, и другой «требует сердечного вдохновения, напряженного ума и общественной совести» [Там же]. Обращаясь к образу читателя из народа, Платонов в статьях о Пушкине попытался выразить «мысль народную», обнажить глубину, подлинную работу простых людей, а также дать свое понимание того, что же такое «пушкинский человек» и какова его эволюция в современной писателю советской действительности. По мнению Платонова, именно «в Пушкине народ получил свое собственное воодушевление и узнал истинную цену жизни», потому что «натура» Пушкина «была <...> наиболее экономным и энергичным выражением души <...> народа» [Там же: 31, 34].

Для раскрытия своих мыслей Платонов обращается к «петербургской повести» А. С. Пушкина «Медный всадник». Отталкиваясь от мысли, что «личные качества не всегда служат измерением для исторической стоимости человека» [Платонов 2023: 9], Платонов подробно останавливается на двух образах – Петра и Евгения. Критикуя разбор повести Пушкина, проведенный А. В. Луначарским, противопоставившим образы Петра и Евгения как «организующую общественность» и «индивидуалистический анархизм» [Луначарский 1963: 69], Платонов призывает проводить грань между позицией Евгения и его взглядом на фигуру Петра и личным пушкинским отношением к правителю: «...ведь это – состояние Евгения, а не Пушкина. Пушкин же совсем иначе ценил Петра и “его творенье”. У Пушкина: “Он дум великих полн”, а у Евгения – “горделивый истукан”» [Платонов 2023: 12]. Платонов не противопоставляет образы Евгения и Петра, а сопоставляет, один образ дополняет, по его мнению, другой: «Разъедините их: получатся одни “конфликты”, получится, что Евгений – либо убожество, либо “демократия”, противостоящая самодержавию, а Петр – либо гений чудотворный, либо истукан. Но ведь в поэме написано все иначе» [Там же: 13].

Платонов считал, что пушкинский гений наделил оба образа «одинаковой поэтической силой», что их «нравственная ценность <...> равна другу другу» [Платонов 2023: 12]. Так, Петр не может не вызывать симпатии своим «вдохновением

жизни» и «стремлением к дальним целям истории» [Там же: 13], а Евгений – своей способностью любить преданно и нежно. Оба они – строители, созидатели²: «Из глубины своего деятельного сердца, из истинного творческого воодушевления, из поэтического человеческого в конечном счете источника Петр создал свое чудное творение – Петербург и новую, европейскую Россию. <...> Евгений тоже ведь “строитель чудотворный”, – правда, в области, доступной каждому бедняку, но недоступной сверхчеловеку: в любви к другому человеку» [Там же: 12–13].

Именно эта нравственная коллизия будет положена Платоновым в основу повестей 1930-х годов, например – повести «Джан». Над данной повестью писатель работал в изменившемся историческом контексте: в начале 1934 года на XVII съезде ВКП(б) был рассмотрен проект второй пятилетки (1933–1937). Считалось, что первая пятилетка в соответствии с девизами «Темпы решают все» и «Техника решает все» ударно завершена в четыре года. Заговорили о смене приоритетов, отразившихся в новом сталинском девизе: «Кадры решают все». На самом деле много оставалось неосуществленного и недостроенного, а новый девиз «обслуживал» ту же идею: за «кадрами», как и за «техникой», снова не было видно отдельного человека. Противостояние государственной идеи, с которой вернется в повести на родину Назар Чагатаев, и народа джан, который сумел сохранить в себе самое важное, «беспомощное, бедное и вечное чувство» – любовь к родному человеку [Платонов 2011: 142], – Платонов решает в произведении по-пушкински: его герой будет учиться этому новому для него сердечному чувству и народной мудрости. Для Платонова без Евгения и народа джан нет и не может быть ни нового петровского Петербурга, ни новой сталинской Москвы: они нужны все, «чтобы не получилась одна “бронза”, чтобы Адмиралтейская игла не превратилась в подсвечник у гроба умершей (или погубленной) поэтической человеческой души» [Платонов 2023: 15]. В итоге Платонов называет Евгения и Петра «незнакомыми братьями»: «...один из них не узнал, что он победил, а другой не понял своего поражения» [Там же: 13]. В гибели Евгения Платонов видит не победу одних сил над другими, что было характерно для вульгарно-социологического прочтения произведения Пушкина, а простую человеческую «трагедию», рок, фатум [Там же: 12–13].

Платонов отказывается искать в образе Евгения и необходимую жертву, положенную в основу нового социального порядка (вспомним образ девочки Насти из повести «Котлован»), при этом писатель не оставляет возможности для счастья Евгения, останься он и его возлюбленная в живых: «Но что было бы, если бы Параша осталась жива? Евгений пошел бы к ней в “домишко ветхий”, и мир ограничился бы этим грустным жилищем, где без-

¹ Имеется в виду М. О. Гершензон, который в 1926 году выпустил сборник «Статьи о Пушкине».

² Однако В. Перхин считает, что Платонов «подчеркнул односторонность Петра, лишенного способности строить любовь к человеку» [Перхин 1994: 26].

деятельная, бессильная бедность иссушила бы вскоре любящие сердца» [Платонов 2023: 13]¹. Писатель сравнивает финалы «Медного всадника» и неоконченной поэмы Пушкина «Тазит», в которой главный герой как раз нашел утешение в любви. Однако Пушкин, по мнению Платонова, не мог решить проблему «Медного Всадника» и «Тазита» примирением Петра и Евгения, изгнанного Тазита и его отца: это было бы «фантастическое, а не реалистическое решение темы», «действительность не давала возможности на такой исход» [Там же: 15]. В связи с этим для понимания пушкинского текста Платонов вводит понятие «сюжет второго смысла», когда «решение достигается не действием персонажей поэм, а всей музыкой, организацией произведения, – добавочной силой, создающей в читателе еще и образ автора, как главного героя сочинения» [Там же].

Обозначенный подход к построению сюжета был характерен и для самого Платонова: гносеологическая, онтологическая и в целом философская проблематика произведений писателя делает более значимым в его произведениях сюжет «второго смысла», когда важными становятся не столько действия и поступки героев, сколько художественное освещение «вечных» вопросов. Так, Н. М. Малыгина особенностью «метасюжета» Платонова называет его содержательную двуплановость (объединение небесного и земного, бытийного и бытового) [Малыгина 1995]. О «внутреннем сюжете» как о «потаенном повествовательном плане» в повести «Котлован» пишет Е. Н. Проскурина [2001: 18]. О том, что «концепция второго смысла является отправной точкой в определении поэтики тайнописи» у Платонова, рассуждают К. С. Когут и Н. П. Хрящева [2018: 168].

На примере статей о Пушкине мы можем увидеть, как Платонов сопрягает в пределах одного текста «сюжет второго смысла» (скрытый) и, если развить его же идею, «сюжет первого смысла» (явный), что и вызывает некоторую двусмысленность и противоречия в писательской концепции. Ведь именно за попытку примирить Петра-преобразователя и Евгения критиковал Платонов в том же 1937 году А. Гурвич: «Пушкин для Платонова – это прежде всего и больше всего “Медный всадник”, Петр и Евгений. Целостный масштаб и частный Макар» [Гурвич 1994: 395]. Словно предчувствуя критику в свой адрес и знакомый с ней не понаслышке, Платонов и вводит «сюжет первого смысла» – официальный: в духе времени он сравнивает деятельность Петра и современное социалистическое строительство. Такое сравнение, как известно, очень льстило Сталину. Платонов утверждает, что явление Петра «еще раз повторится в русской истории» [Платонов 2023: 14], как бы намекая на сталинские пятилетки: «Разве не повеселел бы <...> Пушкин, если бы узнал, что смысл его поэзии <...>

совпадает с целью социализма <...>. Он, мечтавший о повторении явления Петра, “строителя чудотворного”, что бы он почувствовал теперь, когда вся петровская строительная программа выполняется каждый месяц <...>. Живи Пушкин теперь, его творчество стало бы источником всемирного социалистического воодушевления...» [Там же: 20].

Сопрягая официальный сюжет («первого смысла») и неофициальный («второго смысла»), Платонов надеется на читателя понимающего (концептированного, если использовать терминологию Б. Кормана [Корман 2006: 209]) и возлагает на него ответственность в «отделении зерен от плевел». Критикуя концепцию Луначарского, а подспудно и Белинского, назвавшего «Медный всадник» «апофеозом Петра Великого» [Белинский 1981: 464], Платонов в статьях о Пушкине вступает в полемику с самим собой молодым, увлекающимся философией А. Богданова, идеями переустройства мира и создания новой пролетарской культуры [Евдокимов 2018: 17], а также идеями бессмертия. Отсюда и некоторые противоречия в концепции. Так, в статье «Пушкин – наш товарищ» Платонов особо останавливается на теме жизни и смерти у Пушкина, сравнивая толстовский страх перед смертью и пушкинское ее мудрое принятие («И пусть у гробового входа / Младая будет жизнь играть»): «Чего же хотел Пушкин от жизни? <...> Он хотел, чтобы ничто не мешало человеку изжить священную энергию своего сердца, чувства и ума» [Платонов 2023: 20]. Именно поэтому Пушкин, несмотря на трагедию, по мнению Платонова, так точно и просто описывает смерть «несчастливого человека» Евгения [Там же: 12]. Можно добавить, что Платонов отходит здесь не только от своего увлечения идеями Богданова и Пролеткультом, но и от увлечения «сциентистской» философией Н. Федорова. Теперь писатель согласен с Пушкиным, что «краткая, обычная человеческая жизнь вполне достаточна для свершения всех мыслимых дел и для полного наслаждения всеми страстями. А кто не успевает, тот не успеет никогда, если даже станет бессмертным» [Там же: 20]².

В статье «Пушкин – наш товарищ» Платонов предлагает и свое понимание историко-литературного процесса – когда размышляет о наследниках пушкинской традиции. Так, Платонов не видит в дальнейшей русской литературе ни одного преемника Пушкина, более того, он считает, что «универсальное творческое сознание Пушкина после него не перешло ни к кому», а сам Пушкин ужаснулся бы «конечному результату кое-каких сочинений своих последователей, продолжателей дела русской литературы» [Платонов 2023: 18–19]. Писатель суров к Гоголю, Салтыкову-Щедрину и Достоевскому – он считает, что «пушкинский

¹ Платонов, однако, противоречит здесь сам себе, когда пишет, что «горе ограниченной, бездеятельной жизни погубило Евгения, в то время как Петр стал «направлением в обширный, деятельный мир» [Платонов 2023: 15].

² Ср. с высказыванием Платонова, оставшимся в одной из записных книжек: «Жизнь состоит в том, что она исчезает. Ведь если жить правильно – по духу, по сердцу, подвигом, жертвой, долгом, – то не появится никаких вопросов, не появится желание бессмертия и т. п. – все эти вещи являются от нечистой совести» [Платонов 2000: 257].

человек» в их произведениях «исчез» [Там же: 18]. Платонов отказывается видеть в народе «мертвые души»¹, а «наследника Гоголя» Салтыкова-Щедрина упрекает в том, что тот обрабатывал «свои темы еще более конкретно и беспощадно» [Там же: 18]. Достоевский же, по мнению Платонова, «впал в мучительное заблуждение» и «предельно надавил на жалобность, на фатальное несчастье, тщетность, бессилие человека, на мышиную возню всего человечества, на страдание всякого разума» [Там же: 19]. Эти высказывания Платонова привели к тому, что критик В. Ермилов назвал статьи Платонова «безобразной клеветой на русскую литературу»². Единственным наследником истинно пушкинской традиции Платонов считает М. Горького – этой теме будет посвящена статья, написанная к годовщине со дня смерти писателя, – «Пушкин и Горький».

Во второй статье о Пушкине Платонов продолжает выстраивать свою историко-литературную концепцию и делит русскую литературу на три периода: пушкинский, послепушкинский и советский: «Лермонтов, Гоголь, Гончаров, Чернышевский, Щедрин, Достоевский, Тургенев, Толстой, Чехов... Никто из них не заменил Пушкина целиком; каждый взял на себя лишь часть его “нагрузки”, и все вместе они обязаны Пушкину своим художественным совершенством» [Платонов 2023: 39]. После этого русская литература, по мнению Платонова, начала «вырождаться в декадентство» и формализм, и тогда «народ резко “вмешался” и родил Максима Горького – линия Пушкина сразу была восстановлена» [Платонов 2023: 43]. Платонов, конечно же, видел разницу между «артистической душой» (Пушкиным) и «мастеровым с Волги» (Горьким), усвоившим русскую культуру «со всем ее добром и со всей отравой», а потому Горький у него является «преемником и продолжателем творчества Пушкина, – не в формальном отношении, а по существу и по духу» [Там же: 44]. Таким образом, и в этой статье Платонов прибегает к «сюжету второго смысла»: он полемизирует с Горьким о роли крестьянства в революции, однако достаточно мягко, а более жестко отвечает Горькому в художественных текстах – например, в повести «Впрок» (подробнее см.: [Заваркина 2022: 205–206]). Так, Платонов откликается на слова Горького, высказанные им в статье о В. И. Ленине: «Горький пишет про свои настроения в 17–18-м годах: “Я плохо верю в разум масс вообще, в разум же крестьянской массы – в особенности”. Здесь Горький ошибся в словах: сам же он ведь и был представителем того самого разума масс, в который он будто бы не верил» [Платонов 2023: 44]. Платонов считал, что Горький переоценил роль интеллигенции в революции, но затем понял свою ошибку и «расправился» с интел-

лигенцией «в лице Клима Самгина» [Там же: 47]. Самое главное, чего требует Платонов от наследников пушкинской традиции, в том числе и от Горького, – уважения к простому человеку из народа и его труду, ведь главная ценность творчества Пушкина, по мнению Платонова, в том и состоит, что Пушкин, «никогда не опорочил народа», не унизил его достоинства [Там же: 17, 19]. Именно здесь проходит для Платонова водораздел, например, между Пушкиным и Достоевским, который вывел, что «человек – ничтожество, урод, дурак, тщетное, лживое, преступное существо» [Там же: 19], с чем Платонов согласиться не мог.

Показательно, что наряду с Горьким Платонов называет истинным носителем пушкинского начала Ленина. Однако к этому времени Платонов уже давно не идеализировал вождя революции и даже относился к нему немного саркастически (см.: [Заваркина 2021: 337]). На первый взгляд, такое сравнение можно было бы отнести к сюжету «первого смысла», если бы не тот факт, что в 1930-е годы более подобающим было упоминание имени Сталина в данном контексте. Однако Платонов убирает финал статьи «Пушкин – наш товарищ», где упоминался Сталин: первоначально статья заканчивалась историей об ученике, который, читая стихотворение Пушкина «Вакхическая песня», в духе времени изменил финальные строки на следующие: «Да здравствует Сталин, / Да скроется тьма!» (подробнее см.: [Кормилов 1999: 45–46; Корниенко 2011: 678–679]). По мнению исследователей, в таком финале возникла «опасная двусмысленность» [Корниенко 1989: 18] – именно поэтому Платонов от него отказался.

Истинно народным образом у Пушкина Платонов назовет Татьяну Ларину – именно с небольшого анализа «Евгения Онегина» и начинается статья «Пушкин и Горький». Татьяна Ларина у Платонова – это такой же «бедный» человек, как и Евгений из «Медного всадника», но своим выбором она показала, что можно найти «силу своего счастья и спасения в собственном жизненном развитии <...>, в естественной тайне своего человеческого сердца...» [Платонов 2023: 32]. Платонов в современном «обездоленном» народе находит «многих Татьян Лариных», способных на собственное спасение, ведь народ, если ему не мешать, «обнаруживает способность бесконечного жизненного развития»: «...Пушкин понимал, что народ (в широком смысле: от Татьяны Лариной до цыган и нищих <...>) – народ живет собой, самостоятельной жизнью <...>. Народ обладает своими скрытыми, “секретными” средствами для питания собственной души...» [Там же: 31, 34]. Этой проблеме будет посвящена уже упомянутая повесть Платонова «Джан», где главной становится тема свободы воли и свободы выбора. По Платонову, даже такой убогий и несчастный народ, как народ джан, достоин сам выбирать свою судьбу, он имеет право на сомнение и на собственное понимание счастья. Назар Чагатаев, вернувшийся на родину, чтобы спасти свой народ и ввести его в большую советскую семью отца народов Сталина, начинает по-

¹ В статье «Пушкин и Горький» он сравнивает с этим явлением фашизм, который «почти половину человечества <...> обрабатывает в труп» [Платонов 2023: 38].

² Ермилов В. О вредных взглядах «Литературного критика» // Литературная газета. 1939. 10 сентября.

нимать, что народ, привыкший веками кочевать, возможно, не нуждается ни в какой государственной идее, ни в каком государственном строе, достаточно того, что Назар спас людей от физического умирания, а дальше они разберутся сами. Другое дело, что повесть в таком варианте не приняли, и Платонов вынужден был сделать вставку на сорока шести страницах, которая разрывала 16-ю и последнюю главы (подробнее см.: [Корниенко 1993: 236]). Сложно сказать, является ли двойственность в решении темы свободы воли в повести «Джан» результатом вынужденной авторской правки или это сознательная традиционная установка писателя на неоднозначность и двойственность смысла.

В статьях о Пушкине важными становятся размышления Платонова о «пушкинском человеке», который, по его мнению, в советское время возрождается в недрах народной жизни. «Пушкинского человека», на наш взгляд, Платонов ищет не среди мужских образов (если вести речь о творчестве Пушкина), например Петра или Евгения, а также Евгения Онегина, а среди женских. Так, вполне «пушкинским человеком» можно назвать, по Платонову, Татьяну Ларину, которая как будто явилась из старинной народной сказки [Платонов 2023: 32]. Но Платонов выходит за пределы литературного текста и особое внимание уделяет личностям няни и бабушки в жизни Пушкина и Горького: известно, что Арина Родионовна и Акулина Ивановна заменили обоим писателям матерей. Отталкиваясь от мысли, что «женщины, пожалуй, более “главные” люди, чем мужчины», Платонов Акулину Ивановну сравнит со «всеим русским народом»: она «настоящая мать, как земля» [Там же: 49]. Таким образом, делает вывод Платонов, Акулина Ивановна, которая и с Богом разговаривает на равных, есть «животворный, светлый и освещающий целый русский народ и его землю» образ «всецело пушкинской природы» [Там же: 50].

Большая часть статьи «Пушкин и Горький» посвящена темам «Пушкин и фашизм» и «Пушкин и коммунизм». «Смертная нужда» в Пушкине, по мнению Платонова, появилась именно во второй половине 1930-х годов, когда распространилась зараза фашизма. Платонов находит единственную «противоположную», «антагонистическую» силу, которая, как и Пушкин, способна победить фашизм, – это коммунизм [Платонов 2023: 38]. Платонов считает, что предрек появление фашизма еще Достоевский (в том числе в поэме о Великом инквизиторе), но он не мог предсказать нарождающейся новой силы, способной противостоять фашизму, ведь «то, что Достоевский понимал под именем социализма», по мнению Платонова, «на самом деле не имеет с ним ничего общего» [Там же: 41]¹. В связи с этим в статьях о Пушкине Платонов попытался дать свое понимание сущности социализма, которую он, как рабочий, неизменно связывал с физическим трудом простого человека из народа: «...творческий, изобретательный труд

лежит в самом существе социализма» [Там же: 8]. Заметим при этом, что Платонов чаще использует в статьях слово «коммунизм», а не «социализм», не проводя каких-то строгих разграничений. Однако они есть. И не только в расхожем понимании, что коммунизм – это «высшая форма социализма», а в том, что коммунизм – это общество, в котором нет и не будет необходимости в государственной власти и государственном регулировании. Известно, что анархические идеи были близки Платонову, ведь именно такое «начало коммунистического общества» писатель пытался, по его же собственным словам, высказанным им в письме М. Горькому от 19 августа 1929 года (при отправке рукописи «Чевенгура»), показать в своем романе². В ответном письме Платонову от 18 сентября 1929 года Горький заметил: «...при неоспоримых достоинствах работы вашей, я не думаю, что ее напечатают, издадут. Этому помешает анархическое ваше умонастроение...»³. В статьях о Пушкине Платонов тоже пытается обосновать новое общество, построенное при этом на пушкинских началах, но это не политические статьи. А. Евдокимов считает, что «под социализмом у Платонова подразумевается не столько социально-экономическая формация, сколько его собственное представление о высшей справедливости, где удастся в духе Пушкина примирить общественный прогресс и личность каждого человека, Петра и Евгения» [Евдокимов 2018: 22].

В конце 1920-х годов – в письмах Горькому – Платонов высказывал надежду на то, что, поскольку «у многих людей есть коллективистские чувства и действия», то «может быть, в ближайшие годы взаимные дружеские чувства “овеществятся” в Советском Союзе и тогда будет хорошо»⁴. В записных книжках 1930-х годов Платонов также даст несколько определений, что же такое для него социализм: «Социализм пришел серо и скучно <...> как Христос»⁵ [Платонов 2000: 41]; «...социализм устраивается зачастую огнем и оружием<,> обеспечивает мир, тишину и будущее» [Там же: 57]; «Без мучений нельзя изменить общество: ведь социализм <...> получил в наследство мешанство, сволочь...» [Там же: 68]. И наконец: «При социализме не будет злобы и отчаяния, но глубокое страдание останется...» [Там же: 103].

В конце 1930-х годов – в статьях о Пушкине – Платонов снова обращается к дорогой для него идее и под маской читателя многое проговаривает. Социализм, по Платонову, стал возможен тогда, когда народ перестал «безмолвствовать» [Платонов 2023: 14]. Социализм позволил народу свободно дышать, однако шел 1937 г., и Платонов (это читается между строк) боится нового «безмолвия» народа, именно поэтому он настаивает на связи поэзии (в самом широком смысле), народа и жиз-

¹ Однако последней книгой, которую читал писатель перед смертью, были «Бесы» Достоевского.

² Горький – А. П. Платонов // Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 313–314. (Сер.: Литературное наследство; т. 70.)

³ Там же. С. 313.

⁴ Платонов А. «Мне это нужно не для славы...» (письма М. Горькому) / публ. Е. Литвин // Вопросы литературы. 1988. № 9. С. 176.

⁵ Запись зачеркнута Платоновым.

ни. Эту мысль Платонов повторяет несколько раз, по-разному варьируя ее, и делает центральной как в статье «Пушкин – наш товарищ», так и в статье «Пушкин и Горький»: «Пушкин, конечно, ясно понимал, что снять путы с истории и тем самым освободить вольнолюбивую душу человека – дело не простое. <...> Неизвестно, думал ли Пушкин, насколько усилится и обновится “вольнолюбивая душа человека” при снятии пут с истории, – насколько человек оживет, повеселеет, воодушевится, приобщится к творчеству, превратит в поэзию даже работу отбойного молотка и бег паровоза...» [Там же: 20]. Коммунизм, – снова и снова повторяет Платонов, – «усиленный точным чувством и поэзией, способен был бы быстрее овладевать массами человечества», более того, истинный коммунизм без Пушкина состояться, по Платонову, не может, потому что «великая поэзия есть обязательная часть коммунизма» [Там же: 38–39]. Однако, по мнению Л. Шубина, «метафору о том, что только с социализма начинается подлинная история человечества, Платонов трактовал иногда слишком буквально» [Шубин 1970: 13].

Особо стоит выделить небольшой анализ в статье «Пушкин и Горький» стихотворения Пушкина «Пророк», в котором Платонов «наиболее точно формулирует свое понимание наследия поэта при социализме»¹, а также объясняет, почему «поэт в России – больше, чем поэт». Ранее, в статье «Пушкин – наш товарищ», Платонов писал, что смысл поэзии Пушкина – «универсальная, мудрая и мужественная человечность – совпадает с целями социализма» [Платонов 2023: 20]. При этом Платонов понимал, что «себя, народ, социализм

надо спасать. Спасать Пушкиным» [Спиридонова 2001: 479]. Так, в статье того же юбилейного 1937 года – «Преодоление злодейства», написанной по следам политического процесса против троцкистов, который дал толчок Большому террору, Платонов переиначит известную цитату из «Моцарта и Сальери» Пушкина: «...социализм и злодейство – две вещи несовместимые»². Искренне верящий в торжество социализма и «в прогресс человечности в человеческом существе» ([Платонов 2023: 59]; см. также: [Малыгина 1989: 191]), писатель во «врагах народа» увидел предателей рабочего класса и вирус фашизма. Будущую большую трагедию страны Платонов пока не разглядит.

Пушкин сыграл важную роль в становлении Платонова-художника, а статьи о Пушкине стали закономерным этапом его творческой эволюции. Народным языком, просто и мощно, Платонов трактует произведения поэта, участвуя в современной полемике. Играя в читателя в хорошем смысле, используя читательскую стратегию, Платонов многое высказывает, несмотря на 1937 год. Этими статьями писатель «спасал» Пушкиным не только социализм, но и самого себя. И дело не только в том, что Платонов подключался к диалогу со своими современниками в надежде быть услышанным, но и в том, что в статьях о Пушкине писатель высказал свое отношение к высокой миссии Поэта и русской литературы в целом. На время Платонов отказался от пессимистического «Нет пророка в своем отечестве» и обратился к вере в то, что этот пророк «уже находится» «среди» «жизни» и «не обманет доверия ни Пушкина, ни Горького» [Платонов 2023: 50].

¹ Сипли Дж. Андрей Платонов и «живая диалектика» «пушкинского персонажа» // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 1. С. 92. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-06.

² Платонов А. Преодоление злодейства // Литературная газета. 1937. 26 января. См. также: [Платонов 2023: 467].

Литература

- Архив А. П. Платонова. Кн. 1. – М. : ИМЛИ РАН, 2009. – 696 с.
- Белинский, В. Г. Собрание сочинений : в 9 т. Т. 6: Статьи о Державине. Статьи о Пушкине. Незаконченные работы / В. Г. Белинский. – М. : Художественная литература, 1981. – 678 с.
- Геллер, М. Андрей Платонов в поисках счастья / М. Геллер. – М. : МИК, 2000. – 432 с.
- Гурвич, А. Андрей Платонов / А. Гурвич // Андрей Платонов. Воспоминания современников. – М. : Современный писатель, 1994. – С. 358–413.
- Дужина, Н. Постоянные идеалы Андрея Платонова во второй половине 1930-х годов / Н. Дужина // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 5. – М. : ИМЛИ РАН, 2003. – С. 35–46.
- Евдокимов, А. В. Театр критики Андрея Платонова / А. В. Евдокимов. – М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2018. – 212 с.
- Заваркина, М. В. Утопия как антиутопия (повесть Андрея Платонова «Хлеб и чтение») / М. В. Заваркина // Проблемы исторической поэтики. – 2021. – Т. 19, № 2. – С. 326–352. – DOI: 10.15393/j9.art.2021.9402. – URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1620230721.pdf (дата обращения: 10.01.2025).
- Заваркина, М. В. Андрей Платонов в поисках самобытности: от «Фабрики литературы» к мастерству / М. В. Заваркина // Проблемы исторической поэтики. – 2022. – Т. 20, № 3. – С. 186–212. – DOI: 10.15393/j9.art.2022.11246. – EDN AFDPOT. – URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1663007871.pdf (дата обращения: 10.01.2025).
- Кибальник, С. А. «Родимая печать Пушкина» (о литературно-эстетических исканиях Платонова) / С. А. Кибальник // Творчество Андрея Платонова: исследования и материалы. Кн. 4. – СПб. : Наука, 2008. – С. 136–148.
- Когут, К. С. Поэтика драматургии А. П. Платонова конца 1930-х – нач. 1950-х гг.: межтекстовый диалог / К. С. Когут, Н. П. Хрящева. – СПб. : Нестор-История, 2018. – 280 с.

- Корман, Б. О. Теория литературы: избранные труды / Б. О. Корман. – Ижевск : Институт компьютерных исследований, 2006. – 550 с.
- Кормилов, С. И. Статьи А. Платонова о Пушкине / С. И. Кормилов // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 1999. – № 5. – С. 39–55.
- Кормилов, С. И. «Беллетристическая пушкиниана» как научная проблема / С. И. Кормилов // Беллетристическая пушкиниана XIX–XXI вв. : сб. ст. – Псков, 2004. – С. 5–32.
- Корниенко, Н. В. «Не требуя наград за подвиг благородный»: неизвестные записи А. Платонова о Пушкине / Н. В. Корниенко // Литературная Россия. – 1989. – 17 ноября (№ 46). – С. 18–19.
- Корниенко, Н. В. История текста и биография А. П. Платонова / Н. В. Корниенко // Здесь и теперь. – 1993. – № 1.
- Корниенко, Н. В. Комментарии / Н. В. Корниенко // Платонов А. П. Фабрика литературы: литературная критика, публицистика. – М. : Время, 2011. – С. 659–715.
- Крамов, И. В. В поисках сущности / И. В. Крамов // Новый мир. – 1969. – № 8. – С. 236–257.
- Луначарский, А. В. Александр Сергеевич Пушкин / А. В. Луначарский // Луначарский А. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 1: Русская литература: статьи, доклады, речи (1903–1933). – М. : Художественная литература, 1963. – С. 44–89.
- Малыгина, Н. М. Эстетика Андрея Платонова / Н. М. Малыгина. – Иркутск : Издательство Иркутского университета, 1985. – 144 с.
- Малыгина, Н. М. «Прогресс человечности»: забытые рецензии А. Платонова в журналах «Литературный критик» и «Литературное обозрение» / Н. М. Малыгина // Русская литература. – 1989. – № 7. – С. 184–192.
- Малыгина, Н. М. Модель сюжета в прозе А. Платонова / Н. М. Малыгина // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 2. – М. : Наследие, 1995. – С. 274–286.
- Меерсон, О. «Свободная вещь»: поэтика неостранения у Андрея Платонова / О. Меерсон. – Berkeley : Berkeley Slavic Specialties, 1997. – 137 с.
- Молок, Ю. Пушкин в 1937 году: материалы и исследования по иконографии / Ю. Молок. – М. : НЛО, 2000. – 272 с.
- Никонова, Т. Платоновский миф о Пушкине (литературно-критические статьи 1930-х гг. и пьеса «Ученик Лицея») / Т. Никонова // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 7. – М. : ИМЛИ РАН, 2011. – С. 161–169.
- Перхин, В. Литературная критика Андрея Платонова / В. Перхин. – СПб., 1994. – 56 с.
- Платонов, А. Записные книжки. Материалы к биографии / А. П. Платонов. – М. : Наследие, 2000. – 424 с.
- Платонов, А. Дзан / А. Платонов // Платонов А. Счастливая Москва: роман, повесть, рассказы / сост., подгот. текста и комм. Н. В. Корниенко. – М. : Время, 2011. – С. 111–234.
- Платонов, А. Сочинения. Т. 6: 1936–1941. Кн. 3: Литературная критика. Публицистика / А. Платонов. – М. : ИМЛИ РАН, 2023. – 1136 с.
- Платт, Дж. Здравствуй, Пушкин!: сталинская культурная политика и русский национальный поэт / Дж. Платт. – СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. – 352 с.
- Проскурина, Е. Н. Поэтика мистериальности в прозе Андрея Платонова конца 20-х – 30-х годов (на материале повести «Котлован») / Е. Н. Проскурина. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2001. – 264 с.
- Спиридонова, И. А. Пушкин в творческой эволюции А. Платонова / И. А. Спиридонова // Проблемы исторической поэтики. – 2001. – Вып. 6. – С. 465–482. – DOI: 10.15393/j9.art.2001.2648. – URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2648> (дата обращения: 10.01.2025).
- Шевченко, Е. С. Пушкинская тема в критике и драматургии А. Платонова / Е. С. Шевченко // Филологическая проблематика в системе высшего образования : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. – Самара, 2005. – С. 194–199.
- Шеметова, Т. Г. Метаморфозы мифологемы «няня Пушкина» в русской литературе XX века / Т. Г. Шеметова // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2011. – № 4. – С. 134–145.
- Шубин, Л. Критическая проза Андрея Платонова / Л. Шубин // Андрей Платонов. Размышления читателя. – М. : Советский писатель, 1970. – С. 3–18.

References

- Arkhipov A. P. Platonova [The Archives of A. P. Platonov]. (2009). Book. 1. Moscow, IMLI RAN. 696 p.
- Belinsky, V. G. (1981). *Sobranie sochinenii: v 9 t.* [Collected Works, in 9 vols.]. Vol. 6: Stat'i o Derzhavine. Stat'i o Pushkine. *Nezakonchennye raboty.* Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 678 p.
- Duzhina, N. (2003). Postoyannye idealy Andrey Platonova vo vtoroi polovine 1930-kh godov [The Permanent Ideals of Andrei Platonov in the Second Half of the 1930s]. In «*Strana filosofov*» Andrey Platonova: *problemy tvorchestva.* Issue 5. Moscow, IMLI RAN, pp. 35–46.
- Evdokimov, A. V. (2018). *Teatr kritiki Andrey Platonova* [Andrey Platonov's Theater of Criticism]. Moscow, Berlin, Direkt-Media. 212 p.
- Geller, M. (2000). *Andrei Platonov v poiskakh schast'ya* [Andrey Platonov in Search of Happiness]. Moscow, MIK. 432 p.
- Gurvich, A. (1994). Andrei Platonov [Andrey Platonov]. In *Andrei Platonov. Vospominaniya sovremennikov.* Moscow, Sovremenniy pisatel', pp. 358–413.

- Kibalnik, S. A. (2008). «Rodimaya pechat' Pushkina» (o literaturno-esteticheskikh iskaniyakh Platonova) ["Pushkin's Birthmark" (on Platonov's Literary and Aesthetic Quest)]. In *Tvorchestvo Andrey Platonova: issledovaniya i materialy*. Book 4. Saint Petersburg, Nauka, pp. 136–148.
- Kogut, K. S., Khriashcheva, N. P. (2018). *Poetika dramaturgii A. P. Platonova kontsa 1930-kh – nach. 1950-kh gg.: mezhtekstovyi dialog* [Poetics of A. P. Platonov's Dramaturgy of the Late 1930s – Early 1950s: An Intertextual Dialogue]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya. 280 p.
- Korman, B. O. (2006). *Teoriya literatury: izbrannye trudy* [Theory of Literature. Selected Works]. Izhevsk, Institut komp'yuternykh issledovaniy. 550 p.
- Kormilov, S. I. (1999). Stat'i A. Platonova o Pushkine [Articles by A. Platonov about Pushkin]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*. No. 5, pp. 39–55.
- Kormilov, S. I. (2004). «Belletristicheskaya pushkiniana» kak nauchnaya problema ["Fictional Pushkiniana" as a Scientific Problem]. In *Belletristicheskaya pushkiniana XIX–XXI vv.: sb. st.* Pskov, pp. 5–32.
- Kornienko, N. V. (1989). «Ne trebuya nagrad za podvig blagorodnyi»: neizvestnye zapisi A. Platonova o Pushkine ["Without Demanding Awards for a Noble Deed": A. Platonov's Unknown Notes on Pushkin]. In *Literaturnaya Rossiya*. No. 46, pp. 18–19.
- Kornienko, N. V. (1993). Istoriya teksta i biografiya A. P. Platonova [The History of the Text and the Biography of A. P. Platonov]. In *Zdes' i teper'*. No. 1.
- Kornienko, N. V. (2011). Kommentarii [Comments]. In *Platonov A. P. Fabrika literatury: literaturnaya kritika, publitsistika*. Moscow, Vremya, pp. 659–715.
- Kramov, I. V. (1969). V poiskakh sushchnosti [In Search of Essence]. In *Novyi mir*. No. 8, pp. 236–257.
- Lunacharsky, A. V. (1963). Aleksandr Sergeevich Pushkin [Alexander Sergeevich Pushkin]. In Lunacharsky, A. *Sohranenie sochinenii: v 8 t.* Vol. 1: Russkaya literatura: stat'i, doklady, rechi (1903–1933). Moscow, Khudozhestvennaya literatura, pp. 44–89.
- Malygina, N. M. (1985). *Estetika Andrey Platonova* [Aesthetics of Andrey Platonov]. Irkutsk, Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta. 144 p.
- Malygina, N. M. (1989). «Progress chelovechnosti»: zabytye retsenzii A. Platonova v zhurnalakh «Literaturnyi kritik» i «Literaturnoe obozrenie» ["Progress of Humanity": Forgotten Reviews by A. Platonov in the Magazines Literary Critic and Literary Review]. In *Russkaya literatura*. No. 7, pp. 184–192.
- Malygina, N. M. (1995). Model' syuzheta v proze A. Platonova [The Model of the Plot in A. Platonov's Prose]. In «Strana filosofov» *Andrey Platonov: problemy tvorchestva*. Issue 2. Moscow, Nasledie, pp. 274–286.
- Meerson, O. (1997). «Svobodnaya veshch'»: poetika neostraneniya u Andrey Platonova ["A Free Thing": The Poetics of Non-exclusion in Andrey Platonov]. Berkeley, Berkeley Slavic Specialties. 137 p.
- Molok, Yu. (2000). *Pushkin v 1937 godu: materialy i issledovaniya po ikonografii* [Pushkin in 1937: Materials and Research on Iconography]. Moscow, NLO. 272 p.
- Nikonova, T. (2011). Platonovskii mif o Pushkine (literaturno-kriticheskie stat'i 1930-kh gg. i p'esa «Uchenik Litseya») [Platonov's Myth of Pushkin (Literary and Critical Articles of the 1930s and the Play "The Lyceum Student")]. In «Strana filosofov» *Andrey Platonov: problemy tvorchestva*. Issue 7. Moscow, IMLI RAN, pp. 161–169.
- Perkhin, V. (1994). *Literaturnaya kritika Andrey Platonov* [Literary Criticism of Andrey Platonov]. Saint Petersburg. 56 p.
- Platonov, A. (2000). *Zapisnye knizhki. Materialy k biografii* [Notebooks. Materials for the Biography]. Moscow, Nasledie. 424 p.
- Platonov, A. (2011). Dzhan [Dzhan]. In Platonov, A. *Schastlivaya Moskva: roman, povest', rasskazy*. Moscow, Vremya, pp. 111–234.
- Platonov, A. (2023). *Sochineniya* [Works]. Vol. 6: 1936–1941. Book 3: Literaturnaya kritika. Publitsistika. Moscow, IMLI RAN. 1136 p.
- Platt, J. (2017). Zdravstvui, Pushkin!: stalinskaya kul'turnaya politika i russkii natsional'nyi poet [Hello, Pushkin!: Stalin's Cultural Policy and the Russian National Poet]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 352 p.
- Proskurina, E. N. (2001). *Poetika misterial'nosti v proze Andrey Platonova kontsa 20-kh – 30-kh godov (na materiale povesti «Kotlovan»)* [The Poetics of Mystery in the Prose of Andrey Platonov in the Late 20s and 30s (Based on the Story "The Pit")]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf. 264 p.
- Shemetova, T. G. (2011). Metamorfozy mifologemy «nyanya Pushkina» v russkoi literature XX veka [Metamorphoses of the Mythologeme "Pushkin's Nurse" in Russian Literature of the 20th Century]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*. No. 4, pp. 134–145.
- Shevchenko, E. S. (2005). Pushkinskaya tema v kritike i dramaturgii A. Platonova [Pushkin's Theme in the Criticism and Dramaturgy of A. Platonov]. In *Filologicheskaya problematika v sisteme vysshego obrazovaniya: mezhvuz. sb. nauch. tr.* Issue 2. Samara, pp. 194–199.
- Shubin, L. (1970). Kriticheskaya proza Andrey Platonov [Critical Prose by Andrey Platonov]. In *Andrei Platonov. Razmyshleniya chitatelya*. Moscow, Sovetskii pisatel', pp. 3–18.
- Spiridonova, I. A. (2001). Pushkin v tvorcheskoi evolyutsii A. Platonova [Pushkin in the Creative Evolution of A. Platonov]. In *Problemy istoricheskoi poetiki*. Issue 6, pp. 465–482. DOI: 10.15393/j9.art.2001.2648. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2648> (mode of access: 10.01.2025).

Zavarkina, M. V. (2021). Utopiya kak antiutopiya (povest' Andrey Platonova «Khleb i chtenie») [Utopia as a Dystopia (Andrei Platonov's Novel "Bread and Reading")]. In *Problemy istoricheskoi poetiki*. Vol. 19. No. 2, pp. 326–352. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9402. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1620230721.pdf (mode of access: 10.01.2025).

Zavarkina, M. V. (2022). Andrei Platonov v poiskakh samobytnosti: ot «Fabriki literatury» k masterstvu [Andrey Platonov in Search of Identity: From the "Factory of Literature to Mastery"]. In *Problemy istoricheskoi poetiki*. Vol. 20. No. 3, pp. 186–212. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11246. EDN AFD POT. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1663007871.pdf (mode of access: 10.01.2025).

Данные об авторе

Заваркина Марина Владимировна – кандидат филологических наук, специалист Международного центра изучения Достоевского, Институт филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия).
Адрес: 185035, Россия, г. Петрозаводск, пр-т Ленина, 33.
E-mail: mvnikulina@mail.ru.

Author's information

Zavarkina Marina Vladimirovna – Candidate of Philology, Specialist of International Center for the Study of Dostoevsky, Institute of Philology, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).

Дата поступления: 24.02.2024; дата публикации: 30.06.2025

Date of receipt: 24.02.2024; date of publication: 30.06.2025